

П.П. ВЕЙНЕР И ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В ДИСКУССИЯХ 1917 г.

Статья посвящена проблеме охраны памятников в дискуссиях 1917 г. В центре внимания автора – деятельность комиссии по музейному делу и охране памятников, созданной в марте 1917 г. при Институте истории искусств (г. Петроград). Охрана памятников рассматривалась в ряде докладов, прозвучавших на заседаниях комиссии. Но наиболее полно она была раскрыта в двух докладах П.П. Вейнера, один из которых был посвящен движимым памятникам, а другой – памятникам архитектуры. Вейнер предлагает типологию памятников, описывает историю вопроса и предлагает меры для централизации и унификации процесса охраны памятников в масштабах всего государства. Ряд его предложений был реализован после Октябрьской революции, хотя и в несколько иной форме.

Ключевые слова: охрана памятников; музей; П.П. Вейнер; Институт истории искусств; музеология.

Проблема охраны памятников, начавшая привлекать внимание передовой части русского общества еще в XVIII столетии, к рубежу XIX–XX в. превратилась в одну из самых актуальных и насущных. Ее обсуждали на профессиональных форумах (таких как, например, Археологические съезды), дискуссии о ней печатали журналы широкого историко-культурного профиля. В первую очередь здесь следует отметить журнал «Старые годы», основанный в 1907 г. На его страницах неоднократно обсуждались практика охраны памятников и соответствующий закон, принятие которого воспринималось определенной частью русского общества как неотложная и необходимая мера [1]. Особенно актуальной эта проблема стала в 1914 г., когда такой законопроект должен был поступить на рассмотрение Государственной думы и соответствующая думская комиссия, готовя необходимые для его принятия материалы, внесла в него существенные изменения.

Одним из самых активных участников развернувшихся дебатов был П.П. Вейнер, редактор-издатель «Старых годов», прилагавший огромные усилия к введению в научный оборот и сохранению культурного наследия России. Он откликнулся на это событие заметкой под названием «Закон об охране памятников», помещенной в разделе «Хроника» февральского номера журнала за 1914 г. [2. С. 47–50]. Вейнер отмечал положительные изменения в содержании проекта: состав главного комитета, призванного осуществлять руководство охраной памятников, определен из 14 лиц, и представители ведомств участвуют лишь по делам, затрагивающим интересы этих ведомств; особое положение предметов, находящихся в ведении церкви (как православной, так и инославной и иноверной) распространяется лишь на предметы особого почитания; дата 1725 г., ограничивающая древность построек, подлежащих охране до регистрации, в экстренных случаях снимается; за неразрешенную переделку или слом древностей установлено наказание; увеличено финансирование; установлено право для комитета самостоятельного выбора местных учреждений для реализации на местах его функций [Там же. С. 47–48].

В то же время Вейнер сурово критиковал думскую комиссию за ряд мер негативного характера: из предполагаемого состава комитета были исключены пять членов из числа деятелей, известных своими трудами

по истории, археологии и искусству; работа комитета определена как безвозмездная; из действия комитета изъяты все предметы, находящиеся в частной собственности [2. С. 48]; отменено право преимущественной государственной покупки всех находящихся в частном владении древностей, вместо этого на комитет возлагается лишь «обязанность собирать сведения о таковых и изыскивать способы к приобретению их и предотвращению вывоза за границу» [Там же. С. 49]. Местные учреждения также не имеют платных членов, между ними и комитетом нет постоянной связи; нет «инспекторов или иных лиц, наблюдающих за деятельностью местных учреждений и вносящих в их работу необходимое единообразие» [Там же. С. 50]. В любом случае этот закон, как известно, так и не был принят. Однако, как показывают архивные материалы, прежде не привлекавшие внимания исследователей, активное обсуждение преобразований в области государственной охраны памятников, связанное с этим проектом, не прекратилось и в последующем.

Новый всплеск интереса к теме пришелся на 1917 г. Одним из частных сюжетов стала работа комиссии по музейному делу и охране памятников, созданной по итогам совещания деятелей искусства и науки, посвященного вопросу об организации ведомства искусств. Совещание состоялось 7 марта 1917 г. в помещении Института истории искусств (далее – Институт), а комиссии (в том числе и музейная) начали работать уже через несколько дней. В состав музейной комиссии, работавшей под председательством известного археолога М.И. Ростовцева, первоначально вошли П.П. Вейнер, В.П. Зубов, П.И. Нерадовский, Н.Н. Пунин, Д.И. Толстой, Д.А. Шмидт [3. Л. 105 об.]. Вскоре состав ее был расширен и в работе приняли участие также Ф.Г. Беренштам, Э.О. Визель, О.Ф. Вальдгауер, А.А. Миллер, Н.М. Могилянский, К.К. Романов, С.Н. Тройницкий, Б.В. Фармаковский, В.Я. Чемберс и др.

Проблема охраны памятников нашла отражение в целом ряде докладов, подготовленных членами комиссии, причем рассматривалась она сразу в нескольких аспектах, что демонстрирует достаточно высокую степень концептуализации данного проблемного поля. Во-первых, была предпринята попытка предложить один из первых исторических опытов развития данной сферы деятельности в России – им стал доклад сотрудника Этнографического отдела Музея им-

ператора Александра III, впоследствии известнейшего археолога А.А. Миллера «Очерк истории охраны памятников старины и древностей в России», содержащий подробный рассказ о государственных мерах в этой области, законодательстве и разработке соответствующего законопроекта в начале XX в. [4. Л. 134–158]. Во-вторых, дан был анализ аналогичных мер за границей – доклад финского археолога А.М. Тальгрена «Охрана памятников в Скандинавских государствах и Финляндии» [Там же. Л. 94–108]. Это был единственный из всех докладов, присланный по почте, а не озвученный автором в ходе живого обсуждения. Важность обращения к сравнительному материалу, судя по всему, вполне осознавалась инициаторами проекта. В-третьих, в докладах, посвященных смежным темам, были охарактеризованы отдельные проблемы охраны различных категорий памятников: например, археологических (доклад М.И. Ростовцева «Раскопки и охрана памятников, добытых путем раскопок» [5. Л. 52–88]; доклад «Российский исторический музей. Его задания и желательные реформы», подготовленный Советом этого музея [6. Л. 1–10]), церковной старины (доклад исследователя древнерусского искусства В.Т. Георгиевского «Мероприятия по охране памятников церковного искусства и положение провинциальных церковно-археологических музеев» [4. Л. 183–196; 6. Л. 17–21 об.]), мусульманских древностей (доклад востоковеда академика В.В. Бартольда «По вопросу об охране нехристианских культовых древностей» [5. Л. 103–117]).

Однако наиболее полно вопрос этот был раскрыт в двух докладах уже упоминавшегося выше Вейнера, неоднократно обращавшегося к этой теме и раньше и представившего своеобразный синтез всех отмеченных выше аспектов проблемы. Доклады были посвящены охране движимых памятников и памятников архитектуры. В первом автор предлагал общую картину исторического, практического и методического аспектов охраны памятников [4. Л. 196а–209]. Уже в самом начале доклада автор констатировал, что «единичные движимые памятники искусства <...> являются, пожалуй, самым хлопотливым и кропотливым отделом художественного хозяйства страны». Их совокупность составляет «всероссийский разрозненный музей» [Там же. Л. 196]. Охрана таких памятников – особая область историко-культурной деятельности: «Забота о памятниках движимых, идя параллельно с заботой об архитектурных, не вполне с нею совпадает и требует иного к себе подхода». И все же «такие памятники славные в славных стенах – баловни судьбы».

В чем заключаются основные трудности в деле охраны таких памятников? Это их «разбросанность и неизвестность». Где они могут храниться? Во-первых, это неисторические, разного рода служебные помещения бывших Императорских дворцов (Царское Село, Гатчина, Петергоф, Таврический дворец). Пример – первоклассные картины (Антуана Ватто, Паоло Веронезе, Лоренцо Лото), мрамор, бронза, фарфор, хранящиеся в служебных квартирах Гатчинского дворца [Там же. Л. 198]. Во-вторых, исторические, памятные и иные – не историко-художественные –

музеи: в Горном музее, например, находится бюст Павла первого работы Ф.И. Шубина, в музее Финляндского полка – ряд работ П.А. Федотова, в Морском музее – портрет кисти В.Л. Боровиковского и т.д. Не связанные с главной задачей такого музея, произведения искусства могут оказаться здесь на таком «дальнестепенном месте», что «откроется широкое поле для всевозможных опасений». В-третьих, правительственные и общественные учреждения: портрет Екатерины второй работы С. Торелли хранится в Синоде, художественные бронзы – в квартире министра финансов, старинная мебель – в военном министерстве и т.д. [4. Л. 199]. Там невозможно обеспечить их должную сохранность, так как «бытовые заботы его заглушают и чисто житейским своим предназначением они легко оправдывают в глазах толпы свое небрежение к гостям, забредшим из иного мира».

Отношение государства к ним должно быть разным в зависимости от того, принадлежат они казенному учреждению или общественному. В первом случае такие помещения должны быть приравнены к дворцовым. Во втором – право вмешательства несколько ограничено. Только если собственники не могут подчиниться определенным условиям хранения и содержания предметов, государство «требует временного помещения вещей в музей или иные хранилища», где им будут созданы необходимые условия сохранения, но при этом «признается прежнее право собственности». Такая же мера может быть предпринята для исключительно выдающихся памятников, владение которыми учреждением мешает их доступности для изучения и осмотра [Там же. Л. 200].

Наконец, четвертой категорией оказываются памятники в частных собраниях. С ними ситуация кажется особенно сложной, так как «вопрос о праве вмешательства государства в частную собственность подобного рода еще совершенно не затронут нашим законом». Вейнер подчеркивает, что «не подлежит сомнению необходимость особой щепетильности в использовании права осмотра таких памятников, так как здесь открывается широкое поле для злоупотреблений». Это можно осуществлять «как бы попутно – посредством выставок, областных и предметных, описания вещей в печатных трудах, обращения владельцев за советами и т.д.», и лишь «в крайних и особо важных обстоятельствах <...> государству придется противопоставлять свою власть прихотливому упорству владельца» [Там же. Л. 201].

Сложен и вопрос вывоза художественных и исторических предметов за рубеж: «Россия, вообще, не богата такими памятниками и может, в конце концов, совсем обеднеть, если не будут положены какие-нибудь препоны делу постоянного их увоза». Эту меру в той или иной степени вводят сейчас все передовые страны, и если Россия отстанет, «то, естественно, обреченная быть жертвою заграничных вожделений и лишенная возможности ввозить к себе, она неминуемо обнищает в этой области». Вновь здесь вопрос из чисто юридической плоскости переводится в плоскость морально-нравственную: «подобное запрещение имеет неоспоримое нравственное значение» [Там же. Л. 202].

В непосредственной связи с этим вопросом находится и вопрос о праве преимущественной покупки или выкупа государством, «если памятники исключительного значения находятся в явном небрежении». Особенно важны такие собрания, «где к материальной ценности предметов присоединяется ценность составительской, часто многолетней работы, которая при распылении собрания пропадает бесследно, но для общества является самостоятельной научной ценностью». Таковы, например, собрание фарфора великого князя Николая Николаевича, некоторые собрания монет, медалей, гравюр (например, Е.Е. Рейтерна). Значение таких собраний «заключается не столько в особой значительности отдельных предметов, сколь в связующем их подборе, единстве содержания, в труде и мысли, положенных в его составление». Для того чтобы «обеспечить свободу частного распоряжения имуществом, противопоставив ее захватным увлечениям государства», следует предусмотреть право «смешанной экспертизы», «т.е. права за владельцем избрания эксперта и со своей стороны» [4. Л. 203].

Основные меры, которые государство может предпринять для сохранения частновладельческих памятников, заключаются, по мысли Вейнера, в следующем: 1) памятники исключительной важности могут объявляться имеющими государственное значение; 2) соблюдается неотчуждаемость их без ведома государства при каждом переходе владения; 3) предусмотрено право выкупа в случае небрежения; 4) запрещается вывозить их за границу без предварительного предъявления правительству; 5) преимущественное право покупки всех ввозимых предметов и предметов, объявленных имеющими государственное значение, закрепляется за государством [Там же].

Важно отметить, что Вейнер явно понимает недостаточность отдельных, локальных мер в этой области, подобных тем, что предпринимались прежде. По его мнению, необходим «твердый, единый, центральный план» работы. Этого требуют размах и новизна всего дела, «полная неподготовленность к нему широких слоев русского общества». Выработать такой план и начать его реализовывать может только центральный орган, учреждение, «заведывающее всем художественным богатством и строительством страны». В деле охраны памятников «частный или общественный почин, не опирающийся на закон, совершенно бессилён» [4. Л. 204]. Таким образом, автор не только подчеркивает важность унификации и централизации работы в области охраны памятников, но и отмечает важность именно государственных мер в данной области. Здесь нельзя не увидеть осмысления того огромного опыта общественной инициативы в деле сохранения культурно-исторического наследия, которым характеризовался в России рубеж веков и к которому сам Вейнер и круг близких ему лиц были причастны самым непосредственным образом.

Какими же должны быть этот центральный план и его законодательная основа? Казалось бы, через несколько месяцев после Февральской революции на волне увлечения либерально-демократическими идеалами логичным было бы найти и здесь отражение

этих настроений. Однако Вейнер предлагает нечто иное. Охрана памятников оказывается пространством некоторой асинхронности большому времени: «В основу создаваемых при новом строе учреждений ныне повсеместно кладутся коллегиальность и представительство. Вряд ли, однако, эти начала в полной мере применимы к охране памятников движимых. Особенностью последних является крайнее их разнообразие <...> здесь мы встречаемся со всевозможными разновидностями человеческого творчества» [4. Л. 205]. «Коллегия, способная судить о всех подобных предметах, была бы чрезвычайно громоздка по многочисленности своих членов», кроме того, «лучшие знатоки одного разряда памятников признают себя, по всей вероятности, неподготовленными для суждения по некоторым другим вопросам» [Там же. Л. 206]. Поэтому дело охраны памятников Вейнер предлагает разделить на две части: распорядительную и научную.

Первая включает наблюдение за памятниками, объявление их памятниками государственного значения, предписание условий хранения и т.д. Основную работу выполняют здесь уполномоченные лица на местах, которые осматривают памятники и докладывают центральной коллегии. Непосредственным заведованием памятниками она не занимается. Это дело музеев и иных хранилищ [Там же].

Вторая часть — часть научной экспертизы. Здесь «сама собою напрашивается помощь музейных деятелей», хотя они и «представляются нам лишь наиболее доступным, а отнюдь не обязательным источником предлагаемой экспертизы». «Когда развитие художественно-исторического понимания в народе дойдет до той высоты, что подобные знатоки будут находимы и вне стен музеев или вне ученых кафедр, выбор потребных судей станет еще свободнее». С музеями связь у этих органов «вообще ближайшая не только в лице работников, но и по общности предмета, и особенно в области научного труда и распределения обрабатываемых в собственность государства памятников между музеями и хранилищами». Их характеризует близость «однородной художественно-исторической деятельности» [Там же. Л. 207]. Поэтому их можно объединить в одно ведомство, «которому близки, знакомы и дороги вопросы художественно-исторические в России, которое обязано будет следить за надлежащей обстановкой для плодотворного осуществления задач и сможет соединить разнovidные обязанности в лице своих разных представителей» [Там же. Л. 208].

В итоге совокупность мер, которые необходимо предпринять в деле централизации охраны памятников, приобретает у Вейнера следующую конфигурацию: 1) составить полную опись таких памятников, принадлежащих государству, и переместить в хранилища те, сохранность которых в местах их нынешнего хранения не обеспечивается; 2) составить полную опись памятников в общественной собственности, достойные объявить имеющими государственное значение и «озаботиться о сохранном их размещении» [Там же]; 3) выработать закон о праве вмешательства государства в частную собственность такого рода, причем если памятники объявляются имеющими гос-

ударственное значение, следует «принимать необходимые меры для их сохранности»; 4) все действия по охране памятников должны быть возложены на специальный совет, «составленный на началах представительства соответствующих обществ или учреждений», находящийся в тесной связи с научными и художественными кругами, правительством, местными структурами, «облеченный непререкаемой полнотой независимой власти и снабженный достаточными денежными средствами» [4. Л. 209].

Как видим, характер мер, предлагаемых докладчиком, продолжал оставаться двойственным: с одной стороны, им подчеркивалась роль государства в деле охраны памятников, с другой – по-прежнему научный авторитет специалистов, роль «соответствующих обществ», «научных и художественных кругов» продолжала оставаться весьма существенной. По сути дела, уже здесь можно увидеть то, что на Первой все-русской конференции по делам музеев, в феврале 1919 г., будет определено как союз «политической власти и компетентной силы», союз, однако, увиденный и проектируемый со стороны именно «компетентной силы», т.е. экспертного сообщества. Попытки реализации этого проекта приведут к полному краху уже в конце 1920-х гг. Пока же, однако, политическая ситуация внушала определенные надежды и дальнейшее развитие предложенного плана дано было Вейнером в докладе, посвященном охране памятников архитектуры [5. Л. 119–132].

Сама по себе проблема охраны памятников архитектуры не была чем-то новым для гуманитарной мысли России начала XX в. Но и в обращении к ней Вейнер демонстрирует широту методологического горизонта и объемность общего видения проблемы. Начинает он с определения специфического культурного значения, которым обладают памятники такого рода: они – «самое значительное в области художественного достояния народа, самое доступное и самое дорогое», ведь «люди постоянно, даже среди дела и бытовых забот, общаются с памятниками архитектуры, видят их, ими любуются и в них черпают художественное и историческое воспитание» [Там же. Л. 119].

Любопытно отметить, что, обсуждая вопрос музеефикации памятника, Вейнер выдвигает концепцию, близкую той, что во второй половине XX в. получила наименование «мягкая музеефикация». Он подчеркивает, что зачастую необходимо искать золотую середину между *сохранением* и *использованием* памятника: «“Музейная” неприкосновенность легко может быть доведена до абсурда (зачеркнуто, вписано – нелепости)», но и «погоня за бытовым использованием памятника нередко ослепляет заинтересованных лиц <...> И приводит к его гибели». В качестве примера такого срединного подхода Вейнер приводит Гатчинский дворец, который, наряду с музеефицированной зоной, «в большой своей части может быть свободно обращен под какое-нибудь общепольное учреждение» [5. Л. 127]. Такие же памятники, «жилищное использование которых не должно бы встречать возражений», можно найти и в других пригородах. При этом важно, каков характер учреждения,

размещаемого в памятнике. При принятии соответствующего решения необходим учет хозяйственных, государственных, гигиенических, бытовых интересов [5. Л. 128].

Затем Вейнер предлагает общую типологию таких памятников: а) целые части городов (Московский и Новгородский Кремль, Суздаль) и «сливающиеся с памятником ближайшие его окрестности» (луга возле Спаса на Нередице, пустырь вокруг церкви с. Коломенское); б) дворцовые поселения и усадьбы; в) благоустроенные площади и улицы (театральная площадь), совокупности зданий (ансамбли) и виды на них; г) отдельные выдающиеся здания; д) триумфальные арки, мосты, ворота, решетки, части зданий, сохранившиеся при прежних перестройках; е) сады с их постройками (павильонами, статуями, фонтанами, лестницами); ж) «здания со вмещающеюся в них движимостью, составляющие как бы неразрывное целое»; з) внутренняя отделка зданий (росписи и фрески), «когда снаружи эти здания не представляют ценности»; и) памятники в узком смысле этого слова – общественные и надгробные; к) сооружения, «утратившие житейское свое назначение» (гауптвахты, каланчи, стены кремлей); л) бытовые сооружения «вымирающего зодчества» (кавычки Вейнера) (колодцы, звонницы, разукрашенные деревянные избы) [Там же. Л. 120].

После этого в статье приводится перечень пострадавших памятников: новгородские церкви после проведения железной дороги, памятник Александру второму на территории Кремля («кегельбан»), Царицыно, купол над Главным штабом, собор Василия Блаженного, Царскосельский парк, «особенно бдительного ухода, ввиду изменившего строя, требуют» пригородные дворцы и имения, и т.д. [Там же. Л. 120–122]. Затем автор предлагает общую историческую справку, характеризуя дореволюционную деятельность общественных организаций по этому вопросу [Там же. Л. 122–125]. И, наконец, осветив теоретические, типологические и исторические аспекты вопроса, приведя конкретные примеры пострадавших памятников, Вейнер переходит к сути предлагаемых им преобразований в области охраны памятников архитектуры.

Здесь он вновь подчеркивает то, о чем уже говорил в предыдущем докладе: значимость роли государства и неподготовленность широких слоев русского общества к делу охраны памятников. Вейнер убежден: «Пока же народ, а так же нарождающиеся новые меценаты, достаточно образуются в художественном и историческом отношении, чтобы их самостоятельностью могла ограничиться забота о памятниках, пройдут годы, может быть поколения, и погибнет многое». Отсюда и роль государства, которое одно только сейчас «в лице своего правительства и при поддержке общественности может озаботиться должным наблюдением за судьбою памятников архитектуры». В этом вопросе риторика доклада достигает высшей точки: «Оставлять друзей искусства и поборников его сохранности в положении гонимых апостолов – недостойно просвещенного государства» [Там же. Л. 126].

Что же именно должно сделать «просвещенное государство»? Должно быть создано специальное

учреждение, осуществляющее деятельность, которая была бы одновременно запретительной, действенной, распорядительной и ученой [5. Л. 129]. Программа действий намечается Вейнером следующим образом. В центре должен быть организован «постоянный совет», состоящий из членов двух родов: по избранию от художественно-архитектурных и научных обществ и по приглашению из числа «особо осведомленных деятелей». Члены совета пользуются правами государственной службы, и труд их оплачивается. Председатель избирается советом. С правом голоса в совете может присутствовать глава того ведомства, в котором состоит совет. Через него совет вступает в контакт с правительством или законодательными палатами. При совете состоят канцелярия и «для особых поручений и разъездов лица, преимущественно из архитекторов-художников или деятелей по искусству и археологии». В совет с правом голоса могут приглашаться лица из других ведомств, если вопрос касается их, или представители местных учреждений.

Каковы обязанности этого совета? Он должен выработать и направлять в законодательные учреждения необходимое законодательство, в его ведении находятся государственные памятники, не переданные государством другим ведомствам, он же должен осуществлять контроль за сохранностью памятников. К числу последних относятся: а) памятники, объявленные имеющими народное значение (для этого совет наблюдает за их состоянием, дает указания по содержанию, разрешает ремонт, изыскивает средства для содержания и ремонта); б) составляющие собственность государства (совет объявляет их имеющими народное значение); в) составляющие собственность общественную (ведет переговоры с их собственниками о содержании и охране, объявляет их имеющими народное значение); г) составляющие частное владение (устанавливает контакты с владельцами, принимает меры по объявлению памятников имеющими народное значение, выкупает их в собственность государства) [Там же. Л. 130–131 об.].

Кроме того, совет должен заботиться о создании местных учреждений или заменять их своими средствами, вести научную деятельность (составление полной описи памятников, их изучение, издательская деятельность). На него же возлагается обязанность составлять общую смету расходов и испрашивать специальные денежные отпуска.

Каковы права совета? Он (или уполномоченное им лицо) может: а) осматривать все памятники архитектуры в России (вне зависимости от того, кому они принадлежат); б) останавливать работы по сносу, застройке или ремонту памятников, составляющих государственную или общественную собственность (до составления полной описи памятников в России это право распространяется и на частные владения, но с тем, чтобы соответствующие памятники в установленный срок были признаны имеющими народное значение. Если последнего не происходит, владелец получает компенсацию). Постановления совета имеют обязательную силу для всех государственных и общественных учреждений, должностных и частных лиц.

Жалобы подаются в Совет министров. «Совет должен быть широко обеспечен денежными средствами» и действовать на основании выработанного им наказа. Система охраны памятников создается и на местах. Там в советы входят деятели по искусству и архитектуре, представители городского и сельского самоуправления. Такие советы должны наблюдать за сохранностью местных памятников, объявлять памятники имеющими местное значение, возбуждать вопросы перед центральным советом, исполнять его поручения и т.д. [5. Л. 131 об.]. Фактически здесь намечается программа создания централизованной системы охраны памятников в стране. В заключении Вейнер оговаривает «необходимость для охраны памятников архитектуры особого учреждения, совмещающего этот труд с заботами о других подобных областях искусства» [Там же. Л. 132]. Что это за другие «подобные области искусства», можно лишь догадываться. Вероятнее всего, автор имеет в виду охрану других категорий памятников, о которых говорил в предыдущем докладе.

Следует отметить, что Институт не планировал ограничиваться одним лишь теоретическим рассмотрением данного вопроса. Им предпринимался ряд мер, направленных на практическую реализацию начинаний в области охраны памятников. Судя по всему, его научный авторитет был достаточно высок и многие (в том числе на государственном уровне) видели в нем серьезный экспертный центр в данной области. По крайней мере, 27 мая 1917 г. ученый секретарь Института В.Н. Ракинт получил от комиссара временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов удостоверение о том, что ему поручается «осмотреть в различных правительственных учреждениях разные художественные предметы, снятые там в связи с происшедшими переменами в Государственном строе» для возможной передачи их комиссару [7. Л. 1]. Тогда же от помощника комиссара он получил предложение «принять участие в качестве члена “Комиссии по приемке и охране Петроградского Дворцового имущества” в ее работах по проверке, сортированию и последующей приемке тех художественных предметов Петроградского дворцового имущества, которые Вы найдете отвечающими художественным целям» [Там же. Л. 1 об.].

Директор Института В.П. Зубов и П.П. Вейнер, читавший там лекции, вошли в состав одной из образованных в мае 1917 г. художественных комиссий, на которые были возложены функции охраны пригородных императорских резиденций. Они вели работу в Гатчинском дворце. Причем следует отметить: комиссия была образована приказом комиссара временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов 27 мая 1917 г., т.е. в то самое время, когда активно шли заседания институтских комиссий [8. С. 147]. О их деятельности комиссар был хорошо осведомлен.

4 июля 1917 г. Комиссару над Министерством двора было направлено письмо, в котором сообщалось, что в марте с.г. при Институте была образована «Комиссия по разработке вопросов, связанных с

устройством художественной жизни России». К настоящему времени закончены работы комиссии в части охраны художественных и археологических памятников и организации музейного дела, ведшиеся под председательством академика М.И. Ростовцева и профессора Ф.Ф. Зелинского. Комиссия была готова представить свои материалы комиссариату для напечатания на государственный счет, «причем авторы докладов отказываются от какого бы то ни было вознаграждения» [7. Л. 3].

Однако начинание это реализовано не было. В 1922 г. авторы юбилейного отчета о деятельности Института истории искусств вспоминали: «От Комиссара над бывш. Министерством Двора Головина было получено разрешение на печатание Трудов Комиссии на государственный счет, но сначала перемена строя, а затем все возраставшие типографские затруднения сделали осуществление этого надолго невозможным. Однако труды членов этой Комиссии не пропали даром, и авторы вышеупомянутых докладов могут видеть теперь многие свои идеи воплощающимися в жизнь силою самой жизни» [9. С. 192]. И действительно, после Октябрьской революции многие из

предлагавшихся мер, связанных с делом охраны памятников, начали реализовываться, хотя и не всегда в той форме, которую имели в виду их инициаторы.

Представляется, что изложенный выше материал может способствовать более точному пониманию исторических корней и предпосылок культурной политики большевиков первых послереволюционных лет. Выясняется, что ни централизация музейного дела и охраны памятников, ни ограничения на вывоз культурных ценностей за границу не были возникшими из ниоткуда изобретениями новой власти. Понимание особого культурного значения коллекций, превышающего простую сумму значений входящих в нее предметов, также начало формироваться еще в позднимперский период. Совмещение режимов музеефикации и утилитарного использования отдельных памятников стало осмысливаться тогда же. Наконец, идея взаимодействия «политической власти и компетентной силы» родилась отнюдь не на конференции 1919 г. Обращение к архивному материалу позволяет по-новому взглянуть на основные этапы развития музейной политики России начала XX в. и внести определенные коррективы в устоявшиеся исследовательские схемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейнер П.П. Библиографические листки. «Старые годы»: их история и критика en connaissance de cause (комментарии). СПб., 2008. 288 с.
2. Вейнер П.П. Закон об охране памятников // Старые годы. 1914. Февраль. С. 47–50.
3. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 82. Оп. 1. Д. 7.
4. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 9.
5. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 10.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 8.
7. ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 11.
8. Zubov V.P. Страдные годы России. М., 2004.
9. Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств // Задачи и методы изучения искусств. СПб., 2012. С. 187–247.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2016 г.

P.P. VEYNER AND THE PROBLEM OF PRESERVATION OF MONUMENTS DURING THE DISCUSSIONS OF 1917

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 50–56. DOI: 10.17223/15617793/405/6

Ananiev Vitaly G. Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.ananiev@spbu.ru

Keywords: Institute of History of Arts; protection of monuments; museum; museology; P.P. Veyner.

The article discusses the problem of protection of monuments in the discussions during 1917. The attention of the author is focused on the Commission for Museology and Protection of Monuments, created in March 1917 at the Institute of History of Arts (Petrograd). The members of the museum commission, chaired by the famous archaeologist M.I. Rostovtsev, were P.P. Veyner, V.P. Zubov, P.I. Neradovsky, N.N. Punin, D.I. Tolstoy, D.A. Schmidt and other prominent representatives of the world of culture. The problem of monument preservation was considered in a number of papers delivered during the meetings of this commission. The members of the commission described the history of the protection of monuments in Russia, characterized foreign law in this area, considered some categories of monuments. But the most detailed analysis was in two reports of P.P. Veyner, one of which was devoted to the movable monuments and the other to architectural monuments. Veyner offered a typology of monuments, described the history of this problem and proposed measures to centralize and standardize the protection of monuments throughout the country. The basic problem for him was the creation of a centralized governmental body of museology and protection of monuments. Veyner offered the structure of this body and determined the principles of its operation. His ideas were based on the previous experience with the discussion of the draft of a law on monument protection. However, he included new elements, too. Of particular importance was the issue of protection of monuments as private property. For their protection, Veyner offers a number of specific measures: 1) monuments of exceptional importance may be declared of national importance, 2) monuments are inalienable without the knowledge of the state at each change of ownership, 3) there is the right of redemption in the event of monument negligence, 4) it is prohibited to export monuments abroad without their prior submission to the government, 5) the state has the pre-emptive right to purchase all imported items and items of the declared state value. Another important question here is the question of the export of monuments abroad from Russia, and the regulation of its legal export. Some of these proposals were implemented after the October revolution, albeit in a slightly different form. On the one hand, the facts collected in the article help to clarify the contribution of Veyner to the protection of monuments. On the other hand, some new conclusions can be made regarding the historical background of the cultural policy of the Bolsheviks in first post-revolutionary years.

REFERENCES

1. Veyner, P.P. (2008) *Bibliograficheskie listki. "Starye gody": ikh istoriya i kritika en connaissance de cause (commentarii)* [Bibliographic sheets. "Old Years": their history and criticism en connaissance de cause (commentaries)]. St. Petersburg Kolo.
2. Veyner, P.P. (1914) *Zakon ob okhrane pamyatnikov* [Law on the Protection of Monuments]. *Starye gody*. February. pp. 47–50.
3. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 7. (In Russian).
4. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 9. (In Russian).
5. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 10. (In Russian).
6. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 8. (In Russian).
7. Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg (TsGALI SPb). Fund 82. List 1. File 11. (In Russian).
8. Zubov, V.P. (2004) *Stradnye gody Rossii* [Russia's rush years]. Moscow: Indrik.
9. RIII. (2012) *Kratkiy otchet o deyatel'nosti Rossiyskogo Instituta Istorii Iskusstv* [A brief report on the activities of the Russian Institute of Art History]. In: *Zadachi i metody izucheniya iskusstv* [Objectives and methods of studying the arts]. St. Petersburg: RIII.

Received: 10 February 2016